

DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-010-017

**«Я, РОЖЕР, НЕКОГДА НАЗЫВАВШИЙСЯ
В РЕЛИГИИ АГАРЯН АХМЕТОМ»:
АРАБСКОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ
И ЮРИДИЧЕСКАЯ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СИГИЛЛИИ
РОЖЕРА ХАМЕТА (ПАЛЕРМО, 1141 Г.)**

© 2026

В. В. Прудников¹

В статье анализируется греческий сигиллий (дарственная грамота) 1141 г., составленный от имени Рожера Хамета — бывшего мусульманина, принявшего христианство при дворе сицилийского графа (впоследствии короля) Рожера II. Документ содержит уникальную автоидентификационную формулу: «ἐγὼ Ρογέριος δ... καλούμενος Ἀχμετ» (в латинском переводе Пирри — «*Ego Rogerius olim in fide Saracenorum, tunc vocatus Châmet*»). Автор рассматривает, каким образом бывший мусульманин использовал указание на своё арабское прошлое для легитимации нового христианского статуса, укрепления прав на земельную собственность и демонстрации лояльности норманнской короне. На основе дипломатического анализа, ономастических данных и сравнения с «Палермитанскими обычаями» (*Consuetudines Panormitanae*) делается вывод, что подчёркивание прежней сарацинской идентичности было не знаком подчинённого положения, а продуманной юридической и социальной стратегией. Статья вносит вклад в дискуссию о религиозной конверсии, идентичности и правовом статусе мусульман.

Ключевые слова: Норманнская Сицилия, Рожер Хамет, религиозная конверсия, греко-арабская дипломатика, идентичность, мусульмане под христианской властью

Для цитирования: Прудников В. В. «Я, Рожер, некогда называвшийся в религии агарян Ахметом»: арабское происхождение и юридическая саморепрезентация в сигиллии Рожера Хамета (Палермо, 1141 г.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2026. № 3. С. 10–17. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-010-017

**“I, ROGER, KNOWN IN THE RELIGION OF THE AGARYANS AS AHMET”:
ARABIC ORIGIN AND LEGAL SELF-PRESENTATION IN THE SIGILLION
BY ROGER CHAMET (PALERMO, 1141)**

Vitaly V. Prudnikov

This paper analyses a Greek *sigillion* (donation charter) of 1141 issued by Rogerius Chamet – a former Muslim who converted to Christianity at the court of the Sicilian count (later king) Roger II. The document contains a unique self-identifying formula: “ἐγὼ Ρογέριος δ... καλούμενος Ἀχμετ” (in Pirri’s Latin version: “*Ego Rogerius*

¹ Прудников Виталий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; v.prudnikov@ivran.ru

Vitaly V. Prudnikov, PhD (Hist.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; v.prudnikov@ivran.ru
ORCID: 0000-0002-0355-2324

olim in fide Saracenorum, tunc vocatus Châmet”). The author examines how the convert used his Arabic past to legitimise his new Christian status, strengthen his landownership rights, and demonstrate loyalty to the Norman crown. Drawing on diplomatic analysis, onomastic data and a comparison with the *Consuetudines Panormitanae*, the article argues that emphasising the former Saracen identity was not a sign of subordination but a deliberate legal and social strategy. The paper contributes to the debate on religious conversion, identity and the legal status of Muslims in medieval Sicily.

Keywords: Norman Sicily, Rogerius Chamet, religious conversion, Greek-Arabic diplomatics, identity, Muslims under Christian rule

For citation: Prudnikov V. V. “I, Roger, Known in the Religion of the Agaryans as Ahmet”: Arabic Origin and Legal Self-Presentation in the Sigillion by Roger Chamet (Palermo, 1141). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2026. No. 3. Pp. 10–17. DOI: 10.31696/2618-7302-2026-3-010-017

Введение

В феврале 1141 г. в Палермо был составлен документ, который на первый взгляд кажется обычным актом благочестия: некий Рожер передал три селения в дар Палермитанской архиепископии «ради спасения своей души и отпущения грехов». Однако уже первые строки грамоты выдают её исключительный характер. Даритель называет себя так: «*ἐγὼ Ρογέριος ὁ ἐν τῇ τῶν Ἀγαρινῶν θρησκείᾳ ποτὲ καλούμενος Ἀχμετ*» — «я, Рожер, некогда называвшийся в религии агарян Ахметом» [Cusa, 1868, p. 16]. Перед нами не просто дарственная, а документ **обращённого** — бывшего мусульманина, принявшего христианство и публично зафиксировавшего эту трансформацию.

Латинская версия той же формулы, сохранённая Рокко Пирри в «*Sicilia sacra*», звучит ещё более выразительно: «*Ego Rogerius olim in fide Saracenorum, tunc vocatus Châmet*» [Pirri, 1733, p. 85]. Именно эта фраза станет лейтмотивом нашего исследования. Почему человек, перешедший на сторону победителей-христиан, добровольно и настойчиво напоминает о своём «сарацинском» прошлом? В средневековом мире это могло быть опасно². Ответ, как будет показано, лежит в сложном переплетении юридических, религиозных и социальных факторов. Подчёркивание прежней идентичности служило не слабостью, а инструментом легитимации: оно удостоверяло личность дарителя, подчёркивало величие христианства, обратившего «неверного», и демонстрировало лояльность норманнской короне.

Документ известен в двух основных версиях: греческий оригинал (сигиллий), опубликованный Сальваторе Кузой в «*I diplomati greci ed arabi di Sicilia*», и латинский перевод, включённый Пирри в его церковно-исторический компендиум [Cusa, 1868, pp. 16–19; Pirri, 1733, pp. 85–87]. Обе версии дополняют друг друга: греческий текст содержит арабские списки свидетелей и топонимы, латинский — более удобную для европейского читателя передачу основных формул. В 1665 г. земли, подаренные Рожером Хаметом, всё ещё фигурировали в документах Палермитанской церкви как «*feuda, olim Casalia... anno 1141 a Rogerio Charnet Ecclesiae Panormitanae dono oblata*» [Pirri, 1733, p. 247]. Это свидетельствует о долгой юридической жизни дара.

Задача статьи — реконструировать стратегию саморепрезентации Рожера Хамета, показав, как его арабское происхождение стало преимуществом. Исследование опирается на дипломатический анализ сигиллия, ономастические данные (имена свидетелей, топонимы) и сравнительный

² Подробный обзор современного состояния изучения истории мусульман в средневековой Италии см.: [Metcalfé, 2009]. Критическую оценку этой работы, а также обсуждение дискуссионных вопросов административной терминологии см. в рецензии Такамы [Takayama, 2019].

материал из «*Consuetudines Panormitanae*» — сборника городских обычаев Палермо, зафиксировавших правовой статус мусульман и обращённых.

Греческий сигиллий имеет полное название — «*Σιγίλλιον Ρογερίου τοῦ Ἀχμετ*», которое указывает на то, что документ носит характер частного акта, скреплённого подписью и печатью дарителя (отсюда термин *σιγίλλιον*, от лат. *sigillum*). В конце греческого текста указано: «*ἔτους παραιρέχοντος ἀπὸ κτήσεως κόσμου σχμθ' μηνὶ φεβρουαρίῳ, ἰνδικτιῶνος δ'*» [Cusa, 1868, p. 19]. Буквенная запись *σχμθ'* (= 6249) давала бы 741 г. н. э., что явно ошибочно. Латинская версия Пирри исправляет эту ошибку: «*anno ab initio mundi 6649, mense Februarii, Indictione 4*» [Pirri, 1733, p. 87]. Вычитая 5508 лет (византийская эра), получаем 1141 г. н. э. Индикт 4-й (с сентября 1140 по август 1141) полностью соответствует февралю 1141 г. Таким образом, документ датируется временем правления короля Рожера II (1130–1154), когда он уже не только принял королевский титул, но и ввёл Арианские ассизы — первый свод законов Сицилийского королевства³.

Хироси Такаяма отмечает, что «в 1140 г. Рожер II оказался единым могущественным правителем всех различных территорий, каждая из которых имела свою историческую идентичность» [Takayama, 1993, p. 163]. Для управления ими он создал местных камергеров и юстициариев, а также учредил *dīwān al-tahqīq al-ma'mūr* для Сицилии [Takayama, 1993, p. 163]. Сигиллий Рожера Хамета, датированный февралём 1141 г., был составлен именно в этот период административной реформы. Его регистрация в диванах и скрепление королевской печатью были частью новой централизаторской политики Рожера II, направленной на усиление контроля над землями и их держателями.

Джереми Джонс в фундаментальном исследовании арабской администрации в норманнской Сицилии относит сигиллий Рожера Хамета к категории частных дарственных, составленных по образцу королевских дипломов, но от имени частного лица. Он отмечает, что этот документ «был личным дарением, сделанным от имени самого Рожера Хамета и скреплённым его печатью, но написанным в королевском дворце в Палермо и выпущенным с явного одобрения и при поддержке самого короля» [Johns, 2002, p. 113]. В отличие от королевских хрисовулов, сигиллий не претендовал на высшую торжественность, но его юридическая сила обеспечивалась королевской санкцией и регистрацией в диванах. Дж. Джонс подчёркивает, что «установленная форма, которой король давал своё одобрение на дарения, совершаемые его придворными, может быть видна в греческом сигиллии, выданном крёстным сыном короля, Рожером-Ахмадом, обращённым из ислама в христианство ...» [Johns, 2002, p. 113]. Таким образом, сигиллий Хамета является не уникальным феноменом, а частью устоявшейся практики, когда частные лица, приближённые ко двору, оформляли свои дарения по стандартам королевской канцелярии.

Сигиллий распадается на несколько смысловых блоков:

1. религиозно-нравоучительное вступление — о превосходстве вечных благ над временными;
2. идентификация дарителя — бывший мусульманин Ахмет, ныне христианин Рожер;
3. обстоятельства дарения — королевский двор в Палермо, осознание тщетности мирского;
4. обозначение получателя — «достопочтеннейший наречённый архиепископ» *Δογέριος Φρεσκά* (Rogerius Fresca);
5. предмет дарения — три селения *Βουργινήσεμρα*, *Χαλιάβ* и *Δασγαδέν* с подробным описанием границ;
6. обязательство защиты — штраф в 40 номисм и анафема на нарушителей;
7. королевское подтверждение — подпись Рожера II и свинцовая булла.

³ О хронологии правления Рожера II см.: [Houben, 2002, pp. xvii — xviii].

Особого внимания заслуживают **арабские элементы**, рассредоточенные по всему документу: топонимы в описании границ (ручей *Μούστα*, холм *ἀεινήλ βακάρ*, пещера *χαμμέτ τοῦ ἀγαρινού*), имена свидетелей и, наконец, арабская запись на обороте, подтверждающая регистрацию дарения в королевских диванах.

Формула самоидентификации Рожера Хамета — «ὁ... καλούμενος Ἀχμέτ» — звучит вполне подходяще для описания той этносоциальной ситуации, которая складывалась в ходе и после норманнского завоевания Сицилии. Так, Малатерра сообщает о мусульманском правителе Агридженто и Кастроджованни Хамуде, который передал свои владения норманнам и принял крещение вместе с женой и детьми. За это он получил от графа Рожера I земли в Калабрии, где «... *прожив долгую жизнь, всегда от всякого обмана по отношению к нашему племени (норманнам — В.П.) воздерживался*» [Malaterra, 1928, p. 88].

Исследование М. А. Курышевой показывает, что в Южной Италии XII в. греки начинали давать своим детям норманнские имена — Рогерий (Rogerios), Гульельм (Goulielmos) и другие, — чтобы продемонстрировать лояльность новой власти и сохранить своё социальное положение [Курышева, 2006, с. 160–162]. Так, в актах встречаются «Рогерий, сын Григория Левка» (1175 г.) и «Рогерий, сын логофета Мессины» (1189 г.) [Курышева, 2006, с. 161]. Она также отмечает, что «в XII в. для греческой среды Южной Италии характерны те же пути приспособления к местному окружению, которые осваивали норманны в Византии: владение греческим языком, принятие православной веры и взаимное породнение богатых и знатных правящих семей» [Курышева, 2006, с. 162].

В случае Рожера Хамета обращает на себя внимание не только сам факт упоминания старого имени, но и его **акцентная позиция** в самом начале документа. Юридически указание на прежнее имя было необходимо для идентификации лица, владевшего даримой землёй. Если бы Рожер скрыл, что он — тот самый Ахмет, цепочка передачи права собственности оказалась бы разорвана. Кроме того, в норманнском государстве крещение сопровождалось не только сменой имени, но и изменением правового статуса: обращённый получал возможность владеть землёй на тех же условиях, что и христиане [Johns, 2002, p. 37]. Поэтому фиксация старого имени была не просто данью традиции, а **гарантией юридической преемственности**.

В то же время формула несёт мощный религиозный подтекст. Этот нарратив обращения был чрезвычайно востребован норманнской пропагандой. Короли Сицилии, сами происходившие из «варваров-норманнов», стремились представить своё правление как торжество христианства над «сарацинским» прошлым острова⁴. Дарственная Рожера Хамета служила идеальным подтверждением этого тезиса: бывший мусульманин добровольно отрекается от ислама и передаёт свои земли церкви.

Одной из самых ярких особенностей сигиллия являются **списки мусульманских имён**, записанных арабскими буквами и транслитерированных по-гречески. В общей сложности в документе фигурирует более 70 человек, большинство из которых носят типичные арабские имена: *Muḥammad*, *Aḥmad*, *ʿAlī*, *Ḥusayn*, *Ibrāhīm*, *Khalīl* и др. [Cusa, 1868, pp. 17–18]. Кто были эти люди?

Алекс Меткалф, анализируя подобные списки в других документах, приходит к выводу, что в них представлены в основном **зависимые крестьяне**, а также деревенские шейхи и кади [Metcalf, 2002, pp. 309–310]. В XII ст. на западе Сицилии (Валь-ди-Мазара) мусульмане составляли большинство сельского населения, и их имена естественным образом фигурировали в юридических актах [Metcalf, 2003, p. 22].

Присутствие мусульман в качестве свидетелей в христианском документе может показаться противоречащим более поздним нормам, зафиксированным в «*Consuetudines Panormitanae*» (гл.

⁴ См. анализ королевских эпитетов [Metcalf, 2002, pp. 302–303].

XV), где прямо сказано: «*Saraceni... a testimonio repellendi sunt*» — «сарацины должны быть отстранены от свидетельствования» [Siciliano Villanueva, 1894, p. 229]. Однако этот капитул был составлен после III Латеранского собора (1179 г.) и окончательно утвердился лишь в XIV в. [Siciliano Villanueva, 1894, pp. 231–232]. В 1141 г. действовали иные правила. Мусульмане сохраняли право свидетельствовать в делах, касающихся их общины, а их показания, данные под присягой на Коране, принимались в судах [Johns, 2002, pp. 35, 145–146]. Таким образом, присутствие арабских свидетелей в сигиллии Рожера Хамета — не аномалия, а отражение реальной практики середины XII в.

Более того, списки имён позволяют реконструировать **социальную структуру** местного общества. Наряду с простыми земледельцами встречаются лица с почётными титулами: *al-shaykh*, *al-qādī*, *al-‘ālim* [Cusa, 1868, pp. 1–3, 16–19, 540–560; Metcalfe, 2002, pp. 309–310]. Это говорит о том, что Рожер Хамет даже после крещения сохранил связи с мусульманской элитой своих бывших владений.

Особую ценность представляет **арабская запись на обороте** сигиллия, которая гласит: «*Kutiba fī dawāwīn ma‘mūra aw fī dafātir al-ratārā*» — «Записано в действующих диванах или в реестрах нотариев» [Cusa, 1868, p. 19]. Эта лаконичная фраза — ключ к пониманию административной системы норманнского королевства.

При Рожере II была создана сложная финансовая администрация, во многом копировавшая модели Фатимидского Египта. Центральную роль играли два ведомства: *Dīwān al-Taḥqīq al-Ma‘mūr* (с 1149 г.) и *Dīwān al-Ma‘mūr* (с 1145 г.), отвечавшие за регистрацию земель, податей и королевского домена [Johns, 2002, pp. 128–135]. Оба ведомства использовали **арабский язык** как основной рабочий. Запись на обороте сигиллия свидетельствует о том, что дарение Рожера Хамета было внесено в эти реестры, что придавало ему высшую юридическую силу. Любой спор о земле мог быть разрешён путём сверки с королевскими диванами.

Одновременно фраза «*aw fī dafātir al-ratārā*» (или *al-ratārī*) отсылает к греческим нотариальным реестрам (*βετάρια*), которые вели нотариусы Палермо. Таким образом, документ был зарегистрирован **дважды**: в арабо-мусульманской и в греко-христианской канцеляриях. Это отражает политику «трёх языков» (латыни, греческого, арабского), характерную для норманнского двора [Johns, 2002, p. 284].

Подводя итог значению многоязычной канцелярии норманнских королей, Дж. Джонс отмечает: «Рожер II ввёл двуязычную монету, а его крёстный сын, Рожер-Ахмад, имел двуязычную печать» [Johns, 2002, p. 298]. Это указание чрезвычайно важно, поскольку оно подтверждает, что Рожер Хамет, будучи обращённым, пользовался теми же инструментами репрезентации власти, что и сам король. Двуязычная печать (вероятно, с греческой и арабской сторонами) была не просто элементом оформления документа, но заявляла о принадлежности его владельца к узкому кругу приближённых, которым позволялось использовать такие знаки отличия. К сожалению, оригинальная печать сигиллия не сохранилась, однако Пирри в «*Sicilia sacra*» упоминает, что документ был скреплён свинцовой буллой [Pirri, 1733, p. 87]. Дж. Джонс подтверждает, что такие печати были частью «квази-сакрального» характера королевских документов, которые под страхом смерти запрещалось подделывать [Johns, 2002, p. 298].

Вслед за Рихардом Эттингхаузенем Дж. Джонс утверждает, что арабские надписи в норманнской Сицилии часто оставались непочитанными, но «буквы были посланием, а не их содержание» [Johns, 2002, p. 299]. Они служили «символическим утверждением перед Богом веры» и «абсолютной политической власти» [Johns, 2002, pp. 307, 311–317]. Это наблюдение в полной мере относится и к сигиллию Рожера Хамета. Арабские имена свидетелей и арабская канцелярская запись на обороте документа были адресованы не столько читателю, сколько зрителю. Для

латинского архиепископа, получившего дар, арабские буквы были зримым знаком того, что документ составлен при королевском дворе, в диване и скреплён королевской властью. Более того, как подчёркивает Джонс, арабская администрация выросла из «мемориалов норманнской власти над завоёванными арабами» [Johns, 2002, p. 300]. Сигиллий арабского землевладельца, в котором бывший мусульманин дарит земли христианской церкви, является именно таким мемориалом — он символически утверждает победу христианства над исламом на языке побеждённых.

Феномен обращённых мусульман не ограничивался скромными землевладельцами. При дворе Рожера II и его преемников существовала целая категория «дворцовых сарацин» (*saraceni palatii*) — евнухов, формально принявших христианство, но часто тайно исповедовавших ислам (практика *макийи*) [Falcandus Hugo, 1897, pp. 25, 56, 115–117]. Такие фигуры, как *qā'id* Филипп, *qā'id* Пётр или *qā'id* Мартин, занимали высшие посты в администрации и войске.

Рожер Хамет не был евнухом и не входил в ближний круг дворцовых сарацин. Однако его публичное обращение отличалось от их религиозной двусмысленности. Он **открыто заявил** о разрыве с исламом, причём сделал это в документе, который должен был храниться в церковном архиве. Чем это было вызвано?

Дж. Джонс прямо помещает дарителя в ближний круг королевской семьи в качестве крёстного сына Рожера II [Johns, 2002, p. 250]. Крёстное родство в средневековой традиции создавало духовную связь, сопоставимую с кровным родством, и налагало взаимные обязательства. Тот факт, что сам король выступил восприемником при крещении бывшего мусульманина, свидетельствует о высоком статусе последнего и о целенаправленной политике Рожера II по интеграции арабской элиты. Дж. Джонс также показывает, что в королевском суде Палермо в 1123 г. наравне с латинскими баронами заседали арабские свидетели, а в качестве доказательств использовались арабские документы, которые читал и толковал кади Палермо [Johns, 2002, pp. 237–238]. Это подтверждает, что Рожер Хамет действовал в среде, где арабский язык и исламские правовые нормы сохраняли свою силу, а обращение в христианство открывало путь к королевским милостям.

Хироси Такаяма в своём фундаментальном исследовании норманнской администрации подчёркивает, что «участие бывших мусульман в центральном правительстве было важной характеристикой сицилийской администрации» [Takayama, 1993, p. 166]. Короли назначали их на ключевые посты не только из-за их знаний и навыков, но и для того, чтобы ослабить власть баронов и укрепить свою собственную [Takayama, 1993, p. 166]. Рожер Хамет, хотя и не занимал высшей придворной должности, был крёстным сыном короля и получил от него земли. Его случай показывает, что обращённые могли интегрироваться в королевскую систему не только как чиновники, но и как землевладельцы, действовавшие в согласии с церковью и короной.

Дж. Джонс обращает внимание на парадоксальный, с точки зрения исламской традиции, характер норманнской арабской администрации. Побеждённые мусульмане обязывались как зимии и как «люди реестров» присягать на Коране [Johns, 2002, p. 35]. Их имена фиксировались в арабских джаридах, и они получали прозвище *rijāl al-jarā'id* — «люди реестров» [Johns, 2002, p. 300]. Эта практика была прямой субверсией исламского обычая, по которому побеждённые христиане включались в Дар аль-Ислам с сохранением своих законов, но на условиях уплаты джизьи. Норманны перевернули эту схему: они заставили мусульман подчиниться христианской власти, зафиксировав их подчинение в арабских документах. Рожер Хамет, приняв христианство и передав свои земли церкви, совершил ещё более радикальный акт субверсии. Он не просто подчинился, но добровольно перешёл на сторону победителей, и его дарение, записанное на греческом языке с арабскими вставками, стало письменным свидетельством этого перехода. Джонс подчёркивает:

«субверсия того, что считалось кораническим предписанием, осуществлялась на арабском языке, на языке, на котором Бог ниспослал Священный Коран» [Johns, 2002, p. 300].

В отличие от дворцовых сарацин, чья ценность для короны заключалась в их административных навыках (и которые могли позволить себе скрытую приверженность исламу), Рожер Хамет был **землевладельцем**, передававшим свою собственность церкви. Ему было необходимо **юридически безупречное** оформление дара, чтобы исключить любые будущие притязания со стороны наследников-мусульман. Открытая демонстрация христианского благочестия и публичное отречение от ислама служили этой цели.

Кроме того, обращение открывало доступ к **материальным благам**. Рожер Хамет прямо говорит, что получил от королевской власти «многие и различные дары» (*πλήστα καὶ διάφορα χαρίσματα*) [Cusa, 1868, p. 16]. По словам хрониста и придворного медика, архиепископа Ромуальда Салернского, в конце жизни Рожер II «всячески старался обратить мусульман и евреев, которых щедро награждал дарами» [Garufi, 1914, p. 235]. Рожер Хамет, вероятно, был одним из таких «щедро одарённых».

Земли, подаренные Рожером Хаметом в 1141 г., оставались в собственности Палермитанской церкви по крайней мере до XVII в. В 1665 г. архиепископ Палермо, опираясь на решение Великого королевского суда, вернул в непосредственное владение архиепископского стола «*feuda, olim Casalia... a Rogerio Charnet dono oblata*» [Pirri, 1733, p. 247]. Хотя имя дарителя в позднейшей передаче исказилось (*Charnet* вместо *Chamet*), сам факт его упоминания спустя более 500 лет говорит о непрерывной юридической памяти.

Показательно, что земли фигурируют в документах как **феоды** (*feuda*), хотя в оригинальном сигиллии они названы *casalia* (деревни, селения). Это отражает трансформацию правового статуса: в XII в. они были частным даром церкви, в XVII в. стали уже частью феодальной системы королевства. Тем не менее исходное дарение сохранило силу.

В историографии имя Рожера Хамета (Ахмета) появляется лишь эпизодически. А. Меткалф упоминает его в одном абзаце как пример обращённого, получившего выгоду от конверсии [Metcalf, 2002, p. 294; Metcalfe, 2009, p. 222]. Дж. Джонс в своём фундаментальном исследовании арабской администрации в королевстве не анализирует этот документ подробно, ограничиваясь общими замечаниями [Johns, 2002, pp. 15, 210]. Настоящая статья призвана заполнить этот пробел.

Заключение

Сигиллий Рожера Хамета — это не просто дарственная грамота, а **документ переходного периода**, запечатлевший сложный процесс интеграции мусульманской элиты в христианское норманнское королевство. Анализ формулы «*ἐγὼ Ρογήριος ὁ ... καλούμενος Ἀχμέτ*» позволяет сделать следующие выводы.

Юридическая функция. Указание на прежнее мусульманское имя было необходимо для идентификации дарителя и подтверждения его прав на землю, полученную от графа Рожера. Без этой идентификации дар мог быть оспорен.

Религиозная функция. Формула выстроена по принципу контраста «тьма — свет», что усиливало пропагандистский эффект обращения и служило доказательством торжества христианства над исламом.

Социальная функция. Рожер Хамет использовал свой статус обращённого для получения материальных благ от короля. Его открытое отречение от ислама отличало его от «дворцовых сарацин», практиковавших *такийю*.

Культурная функция. Арабские элементы документа (топонимы, имена свидетелей, канцелярская запись) свидетельствуют о том, что арабский язык и культура продолжали играть важную роль на Сицилии ещё долго после норманнского завоевания.

Таким образом, фраза «*olim in fide Saracenorum, tunc vocatus Châmet*» была не клеймом побеждённого, а **продуманным инструментом саморепрезентации**, позволявшим Рожеру Хамету легитимировать свой новый статус и укрепить свои права. Его пример показывает, что в сицилийском королевстве обращение было не только актом веры, но и рациональной стратегией социального и экономического продвижения.

Литература / References

- Курешева М.А. Византийцы и норманны: проблемы симбиоза. *Византийский временник*. 2006. Т. 65(90). С. 149–163 [Kuryseva M. A. Byzantines and Normans: the Problems of Symbiosis. *Vizantiiskiy vremennik*. 2006. Vol. 65 (90). Pp. 149–163 (in Russian)].
- Cusa S., *tradotti ed illustrati. I diplomi greci ed arabi di Sicilia pubblicati nel testo originale*. Vol. I. Palermo: Stabilimento tipografico Lao, premiato con diverse medaglie, via Celso 31, 1868 (in Italian).
- Falcandus H. *La Historia o Liber de Regno Sicilie e la Epistola ad Petrum Panormitane Ecclesie Thesaurium*. Ed. Siragusa G. B. Roma: Istituto Storico Italiano, 1897.
- Garufi C. A., ed. Romualdus Salernitanus. *Chronicon. Rerum Italicarum Scriptores*. 2nd ed. Vol. VII, Part 1. Città di Castello, 1914.
- Houben H. *Roger II of Sicily: A Ruler Between East and West*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Johns J. *Arabic Administration in Norman Sicily: The Royal Dīwān*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Malaterra G. *De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius*. Ed. Pontieri E. Bologna: Zanichelli, 1927–1928.
- Metcalf A. The Muslims of Sicily under Christian Rule. Loud G. A., Metcalfe A., eds. *The Society of Norman Italy*. Leiden: Brill, 2002. Pp. 289–317.
- Metcalf A. *Muslims and Christians in Norman Sicily: Arabic Speakers and the End of Islam*. London: Routledge, 2003.
- Metcalf A. *The Muslims of Medieval Italy*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009.
- Pirri R. *Sicilia sacra disquisitionibus et notitiis illustrata*. Editio secunda. Palermo: Typographia 'Regia', 1733.
- Siciliano Villanueva L., ed. *Raccolta delle Consuetudini Siciliane*. Vol. 1: Consuetudini di Palermo. Palermo: Tipografia 'Lo Statuto', 1894.
- Takayama H. *The Administration of the Norman Kingdom of Sicily*. Leiden – New York – Köln: E.J. Brill, 1993 (*The Medieval Mediterranean: Peoples, Economies and Cultures*, 400-1453; 5).
- Takayama H. *Sicily and the Mediterranean in the Middle Ages*. London – New York: Routledge, 2019.